

**О ВЕРХОВСКИХ Е. А., Н. В. и ГОЛИЦЫНОЙ Е. Г.
— ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ГОЛИЦЫНА (урожд. Малич) *Елизавета Григорьевна*, родилась в 1860 (отец был доктором медицины). В 1879 — вышла замуж за князя *Алексея Львовича Голицына*, служившего в чине статского советника, в семье родилось двое детей: *Алексей* и *Елизавета* (муж скончался в 1921). С 1925 — находилась в ссылке, в декабре 1926 — вернулась в Ленинград, проживала в семье дочери.

ВЕРХОВСКАЯ (урожд. Голицына) *Елизавета Алексеевна*, родилась в 1891. Княжна, дочь *Алексея Львовича* и *Елизаветы Григорьевны Голицыных*. Вышла замуж за *Николая Владимировича Верховского*. С 1925 — после ареста мужа работала в библиотеке Российской Академии наук, с 1928 — после увольнения работала на фабрике.

ВЕРХОВСКИЙ *Николай Владимирович*, родился в 1877 в Санкт-Петербурге. Окончил *Александровский Царскосельский Лицей*. Служил в Министерстве торговли и промышленности, с 1918 — в Железкоме, затем в Доброфлоте, в начале 1920-х — помощник ученого секретаря в Российской Академии наук. Женат на княгине *Верховской Елизавете Алексеевне*. Весной 1925 — арестован как «участник контрреволюционной монархической организации» (дело "лицеистов"). В июне приговорен к 5 годам концлагеря и готовился к отправке в Соловецкий лагерь особого назначения. В июле врачебной комиссией признан психически больным и помещен в спецбольницу.

В июле 1925 — к *Пешковой Е. П.* обратилась за помощью *Екатерина Павловна Леткова-Султанова*, писатель и переводчик.

<10 июля 1925>

«Ленинград,
ул<ица> Халтурина, 27,
Общежитие ученых.
10/VII. 25.

«Дорогая Екатерина Павловна!

Решаюсь беспокоить Вас. Сегодня моей племянницей, Ел<изаветой> Ал<ексеевной> Верховской, отправлено во ВЦИК ходатайство о помиловании ее мужа, приговоренного к пятилетней высылке в Соловецкий концлагерь. Основание для ходатайства то, что Ник<олай> Вл<адимирович> Верховский с мая признан врачами психически больным и помещен в больницу. Имущество его конфисковано и должно быть вывезено. Врачи же удостоверяют, что он может поправиться лишь при условии существования в привычной для него обстановке. В случае вывоза имущества жена его со старухой матерью, дочерью 12 лет и племянницей 11 л<ет> остаются без своего угла, без всяких средств к существованию и без всякой надежды на выздоровление мужа.

Вот я и прошу, очень прошу Вас, *Екатерина Павловна*, поддержать ходатайство Ел<изаветы> Ал<ексеевны> Верховской, убедить в полной основательности и законности его, и спасти целую семью.

Искренне Вас почитающая
Ек<атерина> Леткова Султанова.

Если возможно — поручить кому-нибудь, осведомить меня о последствиях этого письма.

Ваша Ек<атерина> Л<еткова> С<ултанова>»¹.

¹ ГАРФ. Р-ф. 8498. Оп. 1. Д. 66. С. 89. Автограф.

На письме — две пометы рукой Е. П. Пешковой:

«Ответить, что буд<ет> сделано. За как<им> отделом? Е. П. 13/VII».

«Переговорить в Отд<еле> КРО. Е. П. 14/VII».

В августе 1925 — Екатерина Леткова-Султанова вновь просила помощи Е. П. Пешковой.

<23 августа 1925>

«Опять я к Вам, дорогая Екатерина Павловна. Простите!..

Теперь моя просьба: принять и выслушать мать моей племянницы Верховской — Елизавету Григорьевну Голицыну.

Не сердитесь, пожалуйста, на меня и верьте, что поистине трагическое положение семьи Верховского может оправдать мою смелость.

*Искренне Вас уважающая
Ек<атерина> Леткова-Султанова.*

23/VIII.25»².

По ходатайству Помполита отправка Николая Владимировича Верховского в Соловецкий концлагерь была отменена, он был оставлен в Бутырской тюрьме. Позднее за его освобождение ходатайствовал академик Сергей Федорович Ольденбург, в 1927 — Николай Владимирович был освобожден досрочно по болезни и вернулся в Ленинград. Служил в библиотеке Российской Академии наук.

В январе 1927 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Елизавета Григорьевна Голицына.

<31 января 1927>

«Милая Екатерина Павловна.

Вот уже целый месяц, как я в Ленинграде и не имею никаких известий. Не откажите написать мне. Если б не отчаянное положение семьи, я не беспокоила бы Вас. Вы видели, в чем я была обути и одета. Представьте себе, что все, начиная с дочери, находятся в том же положении, а самое еще главное, что мучаемся, не имея хлеба насущного.

*Искренне преданная
ваша Елиз<авета> Гр<ригорьевна> Голицына»³.*

В январе 1928 — к Е. П. Пешковой вновь обратилась за помощью Екатерина Павловна Леткова-Султанова.

<16 января 1928>

«16.I.28

Дорогая Екатерина Павловна!

Я опять к Вам по делу несчастной Е. Г. Голицыной. Здесь требуют номер распоряжения, данного Москвой о выдаче ей ее вещей, № и день.

Она ходила, ходила и ничего не могла добиться. А между тем нужда их достигла до послед<них> пределов. Дочь Голицыной была в больнице 4 месяца, вернулась домой, необходимо питание, а кормить ее нечем... Нужно во чтобы то ни стало помочь ей, хотя бы хоть часть вещей выдали поскорее.

² ГАРФ. Р-ф. 8498. Оп. 1. Д. 64. С. 150. Автограф.

³ ГАРФ. Р-ф. 8498. Оп. 1. Д. 198. С. 29. Автограф.

Екатерина Павловна!

Пожалуйста, добейтесь справки, когда и под каким № дано в Л<енин>град разрешение насчет Голицыной и поручите ответить мне: ул<ица> Халтурина, 27, общежитие ученых. Я сама пойду в ГПУ с этой справкой.

Искренне горячо Вам преданная.
Ек<атерина> Леткова-Султанова»⁴.

Весной 1928 — Николай Владимирович Верховский был уволен с работы после лишения избирательных прав. В марте 1928 — у Е. П. Пешковой вновь просила помощи Екатерина Павловна Леткова-Султанова.

<11 марта 1928>

«Екатерина Павловна.

Еще раз пытаюсь помочь Верховским и потому решаюсь беспокоить Вас. Простите.

Верховские дошли действительно до предела всяческих лишений. Он служит в Ак<адемии> наук, получает 48 р<ублей>. Жена уже полгода не встает с постели. Вещей Голицына получить не может, пот<ому> что в ГПУ нет никакой бумаги о разрешении выдать ей вещи.

И она еще раз умоляет Вас достать из М<осковского> ГПУ справку, когда, кем и за каким № дано это разрешение. Тогда уж я сама буду ходить с ней здесь. Она совсем ослабела от голода и впала в отчаяние.

Очень, очень прошу Вас, Екатерина Павловна, помочь этой семье энергичным Вашим участием. Без Вас — я ничего не могу сделать.

Буду ждать ответа. Ул<ица> Халтурина, 27, Общежитие ученых.

Хоть бы что-нибудь добыть из вещей для них!!

Всегда очень благодарная Вам.

Екатерина Леткова-Султанова.

11/III. 28.

Москва. Кузнецкий мост, 24.

Помощь политическим заключенным»⁵.

На письме — помета:

«Е.П. пер<едать> Гол<ицына> вещей не получает».

14 марта 1935 — Николай Владимирович с женой Елизаветой Алексеевной и ее матерью, Елизаветой Григорьевной Голицыной, были высланы на 5 лет в Атбасар Карагандинской области, как социально-опасные элементы.

В апреле 1935 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Елизавета Григорьевна Голицына.

<16 апреля 1935>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна

Испытав несколько раз Ваше сердечное участие в судьбе моей лично и моей семьи, позволяю себе вновь беспокоить Вас и просить Вашей помощи и защиты.

Дело заключается вкратце в следующем. Получив в прошлом году, благодаря Вашему содействию, паспорт, я проживала с семьей в Ленинграде вплоть до 14-го марта с<его> г<ода>, когда неожиданно, без

⁴ ГАРФ. Р-ф. 8498. Оп. 1. Д. 520. С. 47. Автограф.

⁵ ГАРФ. Р-ф. 8498. Оп. 1. Д. 520. С. 48. Автограф.

всякой с нашей стороны вины и по-видимому единственно по признаку «чуждости по происхождению», я — Елизавета Григорьевна Голицына, 75 лет, моя больная, неработоспособная дочь Елизавета Алексеевна Верховская, 44 лет и ее муж Николай Владимирович Верховский, 57 лет, были высланы из Ленинграда в Атбасар Казахской области, отстоящий за 250 километров от ближайшей железно-дорожной станции. Прибыв сюда, мы оказались в безвыходном положении. Мы совершенно больные и разбитые люди, лишенные к тому же, без всякого преувеличения, всяких материальных средств.

Что касается меня лично, то мои преклонные годы — 75 лет — сами уже указывают на мою старость и неработоспособность. Дочь моя, Елизавета Алексеевна Верховская, хотя по возрасту своему не старая — ей 44 года — является инвалидом труда и неработоспособной после 3-х перенесенных ею опасных для жизни операций (в чем у нее имеются соответственные удостоверения из ленинградских больниц). Состояние ее здоровья требует, помимо подходящих климатических условий, постоянной медицинской помощи и лечения, что является возможным лишь в культурном центре, где имеется соответствующая медицинская помощь и оборудование.

Единственно кто может и то относительно зарабатывать на существование семьи — это муж моей дочери, Верховский Николай Владимирович. Однако и он из-за хронической болезни сердца (грудной жабы и склероз аорты) и подверженный, как вам было известно еще в 1924 году, нервным заболеваниям, также регулярно работать не может, а если и может, то, во всяком случае, не физическим трудом. А другой работы здесь в Атбасаре найти невозможно. поэтому высылка нас в Атбасар равносильна обречению нас на голодную смерть. К изложенному позволяю себе обратить Ваше внимание на то, что хотя я по покойному своему мужу — Алексею Львовичу Голицыну — и имела княжеский титул, однако я сама пролетарского скорее происхождения, так как мой отец — Григорий Дмитриевич Малич — был не дворянского происхождения и состоял доктором <...>»⁶.

В сентябре 1935 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Марина Владимировна Хармс.

<9 сентября 1935>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна

Напоминаю и умоляю Вас разобрать дело Верховских и Голицыной, которые ходатайствовали о переводе их в другой город, где они могли иметь работу, т^{ак} к^{ак} в Атбасаре, где они сейчас находятся, они не могут иметь никакую работу и умирают форменно с голоду

Дело это было поднято у Вас и в прокуратуре еще в мае м^{еся}це и до сих пор нет никакого ответа.

Многоуважаемая Екатерина Павловна, умоляю Вас рассмотреть это дело и известить меня, в каком положении оно находится, ибо Я в полном неведении.

Мой адрес: Ленинград, Надежинская, 11, кв. 8.

Марине Влад^{имировне} Хармс»⁷.

В декабре 1935 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью за помощью Виктор Эдуардович Ганнекен, гражданский муж Елизаветы Алексеевны Верховской.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 41-42. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1484. С. 195. Автограф.

«Прокурору тов<арищу> ЛЕПЛЕВСКОМУ⁸

З А Я В Л Е Н И Е

Виктор Эдуардович ГАННЕКЕН,
инженер-технолог, 50 лет,
научный сотрудник Отделения
Главармалита в Ленинграде.
Личный адрес: Ленинград,
Ул. Восстания, 19, кв. 21.

В марте 1935 г<ода> Николай Владимирович Верховский, жена его Елизавета Алексеевна, урожд<енная> кн<ягиня> Голицына и мать ее Елизавета Григорьевна Голицына административно высланы из Ленинграда в Атбасар на 5 лет.

Н. В. Верховский, 56 лет, бывший лицеист, был арестован в 1925 г<оду> и освобожден в 1927 г<оду> по болезни. Все имущество конфисковано, после освобождения продолжал службу в библиотеке Академии Наук, при чистке уволен по 1-й категории, еще позже лишен избирательных прав, жил с семьей в нужде. Ходатайствовал о возвращении прав в январе 1935 г<ода>, имел благоприятные относительно этого известия, но в марте был выслан. Летом, страдая астмой и грузя ради заработка камни, заболел, перенес крупозное воспаление легких. Человек глубоко порядочный, образованный и весьма добросовестный работник, по натуре очень мягкий.

Елизавета Григорьевна Голицына, 78 лет, урожденная Малич, сербского происхождения, дочь доктора медицины. Муж ее Алексей Львович Голицын умер в 1921 г<оду> на советской службе, с момента женитьбы порвал связь с родными. Был рядовым чиновником Министерства финансов и не имел никакого капитала. У Елизаветы Григорьевны был в Атбасаре удар, и она едва ходит. До марта 1935 г<ода> никаким репрессиям не подвергалась.

Елизавета Алексеевна Голицына-Верховская, 45 лет, также не подвергавшаяся до сих пор не только репрессиям, но и допросу, со времени ареста мужа работала в той же библиотеке и в ряде других учреждений, а также работала на фабрике. Перенесла две тяжелые операции и признана инвалидом труда. Относительно операций и инвалидности имеются официальные удостоверения. В тяжелых условиях Атбасара она страдает, помимо всего, общим упадком духа, усугубленным сознанием незаслуженного приговора.

Все трое настолько истерзанные люди, что не имеют даже сил просить о справедливости, между тем, в культурной обстановке Николай Владимирович явился бы исключительно ценным и добросовестным работником, о чем он только и мечтает.

Я с юности знаю и люблю Елизавету Алексеевну Верховскую. Все трое с 1925 г<ода> живут моей помощью. Столь близкая связь не могла бы иметь места в случае расхождения во взглядах, мои же взгляды и отношение к современности удостоверяются непрерывной работой по специальности с проявлением инициативы и искреннего сочувствия новому строительству с начала революции, напр<имер>, при сознании Стройсвири Морским ведомством в 1917 г под непосредственным влиянием В. И. Ленина.

⁸ Григорий Михайлович Леплевский.

Существующие с юности мои близкие отношения с Е. А. Верховской дают мне право вполне согласованно с нею ходатайствовать об официальном утверждении моего с ней брака регистрацией в ЗАГСе с тем, чтобы отныне Елизавете Алексеевне Ганнекен было разрешено свободное проживание в Ленинграде (где мы родились) в обеспечении ее здоровья и моей спокойной и более продуктивной научной работы, расстраиваемой теперь настоящим положением дел. Вместе с тем я прошу о переводе Н. В. Верховского и Е. Г. Голицыной в какой-либо культурный центр поблизости, для возможности заработка и облегчения их беспримерно тяжелых условий.

Почти 30-летний мой рабочий стаж и добросовестная служба позволяют мне надеяться на исполнение моей просьбы, особенно в отношении совершенно погибающей Е.А. Я одинок и значусь пенсионером по инвалидности, однако усиленно работаю по своей специальности. Присутствие Е. А., единственно близкого мне человека, мне необходимо. Наш фактический брак всем издавна известен и не был официально зарегистрирован исключительно из-за несовершеннолетия ее дочерей, ныне окончивших образование и ставших самостоятельными (одна из них замужем за писателем, другая работает на курсах сестер милосердия при Институте Бехтерева). С мужем у Е. А. нет никакой связи. Княжеский титул Е. А., очевидно, не может служить препятствием к ее освобождению, так как родная тетка ее после допроса оставлена в Ленинграде. Личные же свойства Е. А. таковы, что ее присутствие в Ленинграде может служить только украшению самой жизни, но не повредить ей.

Ганнекен.

19.XII.35»⁹.

В мае 1936 — Виктор Эдуардович Ганнекен обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<5 мая 1936>

«Екатерине Павловне ПЕШКОВОЙ

Виктор Эдуардович ГАННЕКЕН,
51 лет, инженер-технолог,
научный сотрудник Отд<еле>ния
Главармалита (Арматурный трест)
Личный адрес: Ленинград,
Ул. Восстания, 19, кв. 21.

19-го декабря 1935 г<ода> на приеме у Г. М. Лепелевского в присутствии Е. В. Аросевой я просил официального разрешения зарегистрировать мой давнишний фактический брак с Елизаветой Алексеевной Верховской, 45 лет, рожденной княжной Голицыной, с тем, чтобы она была освобождена из ссылки, в которой находится с мужем Николаем Владимировичем Верховским и матерью Елизаветой Григорьевной Голицыной, 80 лет, и могла жить со мной в Ленинграде

Заявление мое со всеми пояснениями и ходатайством относительно самого Верховского и Е. Г. Голицыной (Приложение № 1) было принято Г.М. Леплевским без принципиальных возражений, причем, было сказано, что по получении аналогичного заявления о браке со стороны Е.А. Верховской этот вопрос будет рассмотрен и, если "на нее ничего нет", то последует благоприятное решение примерно через месяц-полтора.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1484. С. 191. Машинопись, подпись — автограф.

Заявление Е. А. Верховской (Приложение 2) было послано ею из Атбасара 6-го января на Г. М. Леплевского (лично), и она получила извещение о вручении его 13 января 1936 г<ода>.

Я предполагал лично быть в Москве в марте для получения ожидаемого решения и оформления дела, но моя болезнь с января по апрель мне помещала. После упомянутых личных слов Г. М. Леплевского и моих переговоров с Е. В. Аросевой в декабре, я не имел оснований сомневаться в благоприятном разрешении полного освобождения Е. А. Верховской под моей фамилией, т<ак> к<ак> сверх того, что она дочь князя и жена Верховского, против нее ничего нет и найдено быть не может.

В марте распоряжением Г. М. Леплевского все трое переведены из Атбасара в Уфу, куда прибыли 17 апреля. Материальная обстановка этим в принципе улучшена, но моральные условия остаются невыносимыми. С мужем у Елизаветы <еты> Алекс<еевны> нет ничего общего. Кроме того она теперь больна малярией с температурой 41°, что после ряда операций и при слабом сердце (она инвалид труда) угрожает жизни. Теперешнее положение ее не способствует выздоровлению. Ее 80-ти летнюю мать постиг удар.

19 апреля я послал Е. В. Аросевой просьбу сообщать результаты наших с Е. А. Аросевой ходатайств, но не получил ответа.

Представляя эти факты и уверенный в Вашей отзывчивости, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, и влиянии, — я прошу Вашей помощи и ускорения благоприятного разрешения наших ходатайств о моем браке с Елизаветой Алексеевной Верховской и ее возвращении в Ленинград. Я совершенно одинок и не в состоянии бездеятельно чувствовать гибель единственно близкого мне человека, не имеющего абсолютно никакой тени вины. Я инженер действительной службы, никаким репрессиям не подвергался и предан научной работе, но теряю способность заниматься при таком несчастье.

80-ти летняя Е. Г. Голицына, полагаю, тоже подлежит освобождению.

Кроме просьбы о помощи, я всемерно прошу не отказать сообщить мне положение дела в настоящий момент. Может быть, заявление Елиз<аветы> Алекс<еевны> не попало по назначению? Отсутствие какого бы то ни было ответа приводит в отчаяние, когда знаешь, что человек гибнет. Ганнекен

5 мая 1936 г<ода>»¹⁰.

7 марта 1940 — Николай Владимирович Верховский был освобожден из ссылки¹¹, к тому времени Елизавета Алексеевна Верховская и Елизавета Григорьевна Голицына уже скончались в ссылке.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1484. С. 189-190. Автограф.

¹¹ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.